

Антон Абрамов

СМЕНА

роман

Антон Абрамов

Смена

<https://litres.ru/74619317>

SelfPub; 2026

Аннотация

Пока Нина выбирает свадебное платье, ее дочь Лена подсчитывает, сколько стоит остаться дома.

Лене тридцать один. Она работает и этим летом влюбляется, но встать утром и лечь вечером может только с чьей-то помощью. Всю жизнь ей помогала мать. Теперь Нина выходит замуж и хочет жить с новым мужем вдвоем. Лена же отказывается переезжать к отцу.

Она платит помощницам по часам и объясняет посторонним людям то, что мать делала не задумываясь, вплоть до подушки под правую ногу. Мать обещает приехать по первому звонку. Что будет после такого приезда, тоже оговорено заранее.

Однажды ночью Лена падает с кровати. Телефон лежит рядом, и она знает, что мать приедет сразу.

Именно поэтому Лена не звонит...

Содержание

Часть первая. До разъезда	4
Глава первая. Платья	4
Глава вторая. Вдвоём	15
Глава третья. Бумаги	24
Глава четвёртая. Комната	35
Глава пятая. Четверг	47
Глава шестая. Условие	57
Глава седьмая. Катя	68
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Смена

Часть первая. До разъезда

Глава первая. Платья

«Удобная прорезиненная ручка позволяет удобно удерживать опрыскиватель на весу».

Второе «удобно» Лена заметила ещё днём, вычеркнула и вернула, потому что без него предложение оседало, и теперь, проехав к столу за остывшим чаем, читала ту же строку в четвёртый раз. Опрыскиватель был ни при чём. Утром Стас прислал список слов, каждое из которых полагалось вставить в описание дважды, и «удобный» стояло в списке первым.

Она переписала фразу так, что «удобно» осталось одно, а на второе место встала ладонь: ручку отливали под широкую мужскую, мелкую женскую она держала плохо, о чём в присланных характеристиках не было ни слова, зато в отзывах говорилось трижды, и один мужчина писал, что жена бросила опрыскивать после первой яблони. Стас это вычеркнет. Он вычёркивал всё, что мешало покупателю нажать кнопку, и говорил, что люди не читают, а сканируют. Лена отправила файл и закрыла ноутбук, не дожидаясь ответа.

К девяти в комнате было душно. Форточку она открыла

ещё в обед, но воздух со двора шёл такой же тёплый, только с примесью чьего-то шашлыка. Плечи ныли от долгого сидения; она подняла руки, потянулась, подержала их над головой дольше, чем требовалось, потому что на весу они казались чужими и лёгкими.

В прихожей стукнула дверь.

Мать вошла, поставила сумки и сразу пошла на кухню, не разувшись, — значит, увидела на плите сковороду. Через десять минут они ели вчерашнюю картошку: Нина стоя, прямо со сковороды, Лена с тарелкой на коленях, выбирая куски с корочкой. Сумки так и остались у входа. В одной лежали бо-соножки, взятые из дому для примерки и не приготившиеся, потому что в салоне к платьям вынесли свои туфли.

— Пятки, — сказала мать. — Обе.

Она сняла наконец туфли и села на стул, вытянув ноги. На правой пятке кожа стёрлась докрасна. Из сумки Нина достала банку маринованного чеснока, купленного по дороге, и молча протянула дочери. Лена зажала банку между ладонью и подлокотником, повернула крышку, услышала знакомый хлопок и отдала обратно. Мать так же молча взяла. Этому обмену было лет пятнадцать, и обе давно перестали его замечать.

— Показывай.

Нина села ближе и отдала ей телефон.

На первом снимке мать стояла в вишнёвом и придерживала вырез ладонью. На втором смеялась, запрокинув голо-

ву, а ладонь всё равно не убрала.

— Ты платье держишь или сердце?

— Оно расходится.

— Потому что ты его тянешь.

Мать сказала, что на фотографии ничего не видно, а в примерочной было видно всё, и особенно когда она поворачивалась к девушке. Лена посоветовала на свадьбе поворачиваться к Виктору: он, вероятно, перенесёт это спокойнее. Нина засмеялась и толкнула её в плечо.

Лена увеличила снимок. В зеркале за матерью виднелись край шторы и локоть продавщицы, которая как раз вернулась с брошью, о которой никто не просил, и объясняла, что ею можно собрать ткань повыше. Мать поблагодарила. Вмешаться пришлось Лене: они сорок минут искали вырез, и теперь им предлагали его заколоть.

Брошь была в виде двух соединённых листьев. На вишнёвом они смотрелись как салат, прилипший к груди, и Лена сказала это слишком громко, показывая матери, куда именно прилипло. Нина засмеялась и не могла остановиться, пока девушка держала листья у выреза.

Отсюда и был третий снимок, самый смешной.

Дальше шло серое. Мать примерила его первым. В нём нечего было удерживать, застёжка сходилась легко, рукава закрывали локти, и Нина сразу сообразила, куда ещё сможет его надеть.

— На день рождения к Викторовой сестре.

— Мам. Купи платье на свою свадьбу, а к сестре сходи в том, которое есть.

В салоне они спорили тихо. Девушка оставила их одних, но из-под шторы был виден носок её туфли, и мать, заметив его, начала соглашаться. Вот это и разозлило Лену больше всего: сейчас она уступит из вежливости чужому человеку, а дома, когда никого нет, опять достанет серое.

Так и вышло.

— Найди, где я боком.

Лена нашла. Боком серое действительно смотрелось лучше: мать разговаривала, рот приоткрылся, складка на плече разошлась. Зато сзади ткань собиралась поперёк поясницы.

— Вот. Мне это нравится.

— Ты сзади посмотри.

— Я спиной весь вечер стоять не буду.

— Грудью ты стоять боишься.

— Отстань от моей груди.

Они посмотрели друг на друга, и мать первой отвела глаза, смеясь. Лена любила такие её ответы. Обычно Нина слишком долго подбирала слова, стараясь закончить разговор без неприятности, и упускала минуту, когда человека можно было просто послать; с дочерью получалось быстрее, и Лена иногда нарочно доводила её до короткого сердитого ответа, после которого мать, сообразив, что над ней смеются, начинала смеяться сама.

Был ещё один снимок, который Лена не показала. Мать

в вишнёвом выходит из примерочной, держась за штору, делает шаг и смотрит вниз, потому что переступить через подол в высоких туфлях оказалось непривычно. Видно шею и немного ключиц. Живот она забыла втянуть и стояла свободно. Лена знала, что Нина первым делом увеличит именно живот, и оставила фотографию себе.

Мать принесла из кухни два мандарина. Один положила дочери на колени, второй начала чистить сама, и кожура отходила у неё мелкими рваными кусками. Лена подцепила свою ногтем и сняла одной широкой полосой. Нина посмотрела на эту полосу с таким досадливым вниманием, что пришлось поменяться.

— В магазине давали пробовать, — пожаловалась мать, поморщившись. — Тот был сладкий.

— Они один сладкий держат для покупателей.

Нина задумалась. Видно было, что объяснение показалось ей убедительным и это её огорчило.

На кухне коротко запищала стиральная машина.

— Утром развешу, — отмахнулась мать.

Она всегда так говорила, когда уставала, и почти всегда всё-таки шла развешивать.

Стемнеть не успело. Первое июня, окно на запад, и в половине одиннадцатого в комнате ещё держался серый свет, при котором можно было читать, если поднести близко. В стекле отражалась только ближняя часть комнаты: компьютерный стол и зелёный стакан для ручек, подаренный отцом,

когда Лена заканчивала школу. На боку у стакана были часы. Они стояли года три, но батарейку менять не хотелось, потому что ходили они громко.

Рядом со стаканом лежал материнский конверт из пенсионного фонда. Лена взяла его две недели назад и всё ещё не написала ответ.

Нина откатила от стены подъёмник. Белая стойка обычно стояла между кроватью и шкафом; на ней висела материнская кофта, и Нина сняла её и бросила на стул.

Лена положила телефон на тумбочку экраном вверх, отодвинула недопитый стакан подальше от края, чтобы мать не задела его локтем. Свитшот сняла сама. Под ним была футболка, в которой она собиралась спать, влажная на спине; пока она стягивала свитшот, в ворота застряла прядь, и она освободила её, держа снятую вещь перед собой. Нина протянула руку, но Лена уже справилась и отдала ей свитшот.

Телефон коротко звякнул. Общий чат, значит, кто-то из четверговых, скорее всего Рыба, который писал всегда не вовремя и всегда в трёх сообщениях подряд. Читать сейчас не хотелось.

Пока мать разбирала подвес, Лена собрала волосы на одно плечо и подобрала задравшийся край футболки. Приподняла локоть, когда понадобилось, перенесла вес на другую руку. Мать ждала, придерживая ткань. В этой части вечера они обычно молчали, хотя до и после могли тянуть одну и ту же фразу.

У левого бедра край подвеса завернулся. Лена почувствовала складку раньше, чем натянулась ткань, и тронула материнское запястье. Нина расправила, провела ладонью снаружи, проверяя, и Лена убрала руку.

Мотор загудел.

Сначала ткань натянулась под бёдрами, следом спина перестала чувствовать подушку коляски, и на несколько секунд ничего не осталось, кроме собственного веса, распределённого не так, как она сама бы его распределила. В это время всегда что-нибудь чесалось. Сегодня зачесалось над бровью; Лена потёрла её тыльной стороной пальца и не сразу расслышала, что мать говорит.

Нина всё ещё думала о платье. Ей не нравился узел сбоку: в салоне она распускала и завязывала его несколько раз, и всякий раз выходило по-другому, а девушка делала это одним движением.

— Дома никто так не свяжет.

— Я свяжу.

— Это у меня на талии.

— Подъеду и свяжу.

Мать согласилась слишком быстро, и Лена подумала, что ей просто хочется, чтобы с узлом всё оказалось просто.

Матрас был прохладный. Первые полминуты после того, как её опустили, Лена обычно лежала не шевелясь: тело возвращало себе вес по частям, сначала лопатки, за ними таз, и это было лучшее, что случалось с ней за день, если день не

удавался. Мать сняла подвес, помогла сменить брюки. Лена придержала футболку, освободив место для её руки, а ткань на животе расправила уже сама и вытащила из-под спины волосы. На плече завернулся рукав, и его поправила мать.

Правая нога лежала так, что минут через пять начало бы тянуть под коленом. Нина уже взяла маленькую подушку, положила её привычной стороной, не той, где молния, и, устранив ногу, сказала:

— Папа сегодня звонил. Они с Галей маленькую комнату освободили. Кровать стоит, стол тоже вошёл. После свадьбы поживёшь у них.

— Я к папе не поеду.

Мать убрала ладонь из-под её ноги.

— Ты комнаты не видела.

— Я не хочу переезжать.

— Лен, там всё твоё будет. Галя свои вещи вынесла.

Лена смотрела на мать. Та проверяла, удобно ли лежит нога, и ждала ответа именно про Галины вещи.

Она попыталась вспомнить, говорили ли при ней о комнате. Недавно отец спрашивал размеры стола. Она тогда решила, что ему нужен стол для работы, и отправила ссылку на похожий, потому что название своего давно забыла.

Нина тем временем рассказывала про кровать. Фотографию Олег хотел прислать, но там ещё коробки. В четверг он дома, можно приехать посмотреть. Галя тоже будет. Стол у окна, что для компьютера удобно.

— У меня здесь всё удобно, — сказала Лена.

Мать выпрямилась. Одной рукой она держалась за край матраса, другой потёрла поясницу над резинкой брюк, и Лена смотрела на эту руку и ждала, пока она закончит. Хотелось спросить про коробки: чьи они, куда их вынесли, сколько человек успело обсудить, как поставить её кровать. Вместо этого она спросила, кто выбирал кровать.

— Папа со мной советовался. Другая модель, но подходящая. Хорошая кровать.

Лена отвернулась к окну.

Придётся взять зелёный стакан и блокнот с позавчерашними поправками. Наушники с крючка, удлинитель, три или четыре книги, остальные позже. Санузел здесь переделывали семь лет назад, и до сих пор Лена помнила, сколько это заняло и сколько стоило. У отца дверь в ванную открывается внутрь.

— Я не перееду, — повторила она.

На этот раз Нина отозвалась коротким «угу», но к чему оно относилось, было непонятно. Мать придвинула ей стакан с водой, спросила, нужен ли свет, и, услышав, что не нужен, пошла открывать машину.

Из кухни донеслось шуршание мокрого белья, выдвинулась и задвинулась сушилка, звякнула упавшая прищепка. Мать станет её искать, хотя в коробке полно других.

Лена лежала и смотрела в серое окно. Она ждала продолжения — про утро, про вечер, про каждый день, про то,

сколько это стоит и что делать, если человек не придёт. Когда-то, если мать жаловалась на спину, они собирались найти помощницу: Лена сохраняла номера, Нина говорила, что сперва надо спросить у знакомых, и до звонков дело не доходило ни разу. Сегодня мать спросила только: «А утром?» — и, услышав «найдем кого-нибудь», больше ничего не сказала.

Вот это и было плохо.

Нина вернулась с маленьким рулоном пластыря, села на стул, подняла ногу и неудобно повернулась, опустила ногу и попробовала иначе. Оторвала слишком длинный кусок. Лена хотела сказать, что надо было взять другие туфли, и промолчала.

Из кармана у матери прозвучало сообщение. Она прочла его и чуть улыбнулась.

— Про платья спрашивает.

Лена открыла фотографии, нашла ту, где мать делает шаг от примерочной, обрезала край с продавщицей и отправила. Нина получила, посмотрела, переслала дальше. Посидев ещё немного с телефоном в обеих руках, встала и пошла дожидаться второй порции белья.

Лена взяла свой.

Сообщения в общем чате она пролистала не читая. Нашла переписку с отцом. Он писал двадцать шестого мая, в одиннадцать утра: «Лен, глянь, какой стол лучше? Мерить не умею». Она ответила ссылкой через сорок минут. Ниже

стояло «Спасибо!» и поднятый большой палец.

Двадцать шестое мая.

Она смотрела на эту дату, пока экран не погас сам.

Глава вторая. Вдвоём

В правой туфле остался пластырь. Нина поддела его ногтем, скатала в липкий комок и не нашла, куда бросить: Виктор уже унёс её пакет на кухню. Пришлось идти следом бо-сиком, приподнимая стёртую пятку.

Пирог она купила у метро. В пекарне его положили в коробку, которая заваливалась набок, стоило взять пакет за ручки, и всю дорогу Нина держала снизу, а теперь хотела посмотреть, что довезла. Виктор поднял крышку. Пирог съехал к стенке, верхняя корка отломилась с одного края.

— Этот кусок мой.

— Почему?

Она отломилась ещё немного и съела. Виктор достал тарелки.

Тапочки нашлись у него в прихожей — мягкие, с продавленной левой подошвой, оставленные ею здесь ещё весной. Он принёс их вместе с тубиком крема. Крем Нина отложила. Он всякий раз предлагал намазать то, что болит, и всякий раз приходилось объяснять, когда это помогает, а когда остаётся просто подождать.

В духовке что-то было.

— Рыба.

— У нас пирог.

— Пирог завтра.

Он отодвинул коробку подальше от неё. Нина засмеялась и отломила последний торчащий угол.

Вчера на фотографию он ответил не сразу, уже после того, как она вышла из Лениной комнаты. Написал, что вишнёвое надо брать. Она отправила ему и серое, чтобы сравнил, а он спросил, сколько всего будет фотографий, потому что стоит у розетки с проводом. Вечером Нина на эту подробность обиделась. Сегодня, пока ехала, решила, что зря: мог бы дождаться зарядки и всё рассмотреть сидя, значит, не хотел ждать.

Он наклонился поцеловать её, придерживав ладонью затылок, и она взяла его за рукав.

Рыбе оставалось минут двадцать. Нина сказала, что он неправильно рассчитал время, и Виктор пошёл выключать духовку.

В комнате она села на край кровати, как садилась уже много раз, и всё-таки помедлила, прежде чем снять блузку. На чужом стуле вещи лежат иначе. Дома она бросила бы блузку сверху, здесь сложила, стараясь сохранить плечи; Виктор забрал её и повесил на спинку, оставив рукава свешиваться.

Нина подняла глаза.

— Я ещё не закончила.

Он отступил, и брать его за руку пришлось ей самой.

Она знала его тело и всё ещё стеснялась сказать раньше, чем он спросит. Он медлил, стараясь угадать, и она потянула его к себе. Когда под поясницей стало неудобно, попросила

плоскую подушку с кресла; он принёс большую, она объяснила, какую, и подумала, что они оба слишком стараются и сейчас ещё вспомнят про рыбу.

Мысль рассмешила её именно тогда, когда смеяться было некстати. Пришлось спрятать лицо ему в плечо. Виктор остановился, и Нина, продолжая смеяться, сказала, что всё хорошо, правда хорошо, и с досадой почувствовала, что он не верит. Она убрала руку с его плеча, чтобы он увидел лицо.

Позже он спросил, над чем она смеялась. Выслушал, помолчал и приподнялся на локте, глядя в сторону кухни.

Духовку он выключил. Рыбу оставил внутри.

Нина засмеялась снова, и на этот раз он смеялся вместе с ней.

Отсмеявшись, они лежали молча. В открытое окно донолся двор: сначала удар мяча, через секунду чей-нибудь крик. Виктор водил пальцем по её руке от локтя к запястью. Спать хотелось так, что можно было попросить разбудить через полчаса, и он бы разбудил, но эти полчаса вышли бы за счёт того, что происходило сейчас, и Нина лежала с открытыми глазами.

Вблизи его лицо было другим. В разговоре он двигался, поворачивал голову, хмурился, а здесь можно было задержать взгляд на светлых волосках у виска и на складке, которую оставила подушка. Он чувствовал, что смотрят, и открывал глаза. Тогда она улыбалась.

Со свадьбой их никто не торопил. Заявление подали сами,

дату выбрали сами, и в тот же вечер Нина позвонила Олегу. Про комнату сказала она. Она и спросила, поместится ли там кровать, и попросила померить дверь, и ещё раз позвонила уточнить про порог. Олег согласился так легко, что она удивилась. Спросил, знаком ли он с женихом, услышал, что едва ли, и пожелал счастья праздничным голосом, каким производят тост по телефону.

На тумбочке лежали его часы. Нина посмотрела на них, и в ту же минуту с кухни позвонил телефон.

Виктор поднялся. Она полежала ещё, слушая, как он разговаривает с матерью.

Зоя Петровна жила в Пушкине. Сегодня приходила женщина мыть окна и переставила цветы; один горшок теперь не находился. Виктор перечислял места, где уже искали. Нина слышала, как он теряет терпение и старается говорить тише, и различала в трубке знакомую ровную настойчивость: мать была уверена, что цветок унесли. Сиделка, которая приходит в будни, тоже искала.

Нина села, свесив ноги. Тапочки остались у стула. Пока она натягивала блузку, Виктор спросил про лоджию. В трубке долго молчали, он повторил вопрос и дождался ответа.

Горшок стоял там. Мать сама велела его вынести, потому что на кухне ему жарко.

Виктор заглянул в комнату, и Нина спросила, что за цветок. Он не знал. Какой-то, который ни в коем случае нельзя оставлять на лоджии до ночи.

Рыбы оказалось много. Нина достала из шкафа неглубокую тарелку и начала перекладывать остаток, но Виктор принёс крышку для формы, и тарелку пришлось убрать обратно. Она поймала себя на том, что ищет себе дело, пока он разливает воду: взяла хлеб и нарезала, хотя на столе стояла хлебница с ломтиками. Виктор молча составил всё вместе.

Кухня ей нравилась. Стол был слишком большой для двоих, и часть его Виктор занимал бумагами; сейчас у стены лежала стопка инструкций, прижатая футляром от очков. Нина подвинула свою тарелку, чтобы соус не попал на край листа, он заметил и переложил бумаги на подоконник.

Дома за ужином она обычно знала, что будет делать сразу после. Здесь можно было есть медленно.

Виктор то и дело вставал: забыл соль, захотел другой нож, решил открыть банку огурцов. Нина смотрела, как он ищет крышку, которую сам положил у плиты, и терпела до последнего; когда он полез в ящик, показала рукой.

Он вернулся с крышкой, сел и спросил, посмотрел ли Олег фотографию платья. Спросил и сразу отвёл глаза, и Нина решила, что про Олега он спросил потому, что не решался спросить про комнату.

Она положила вилку. Рыба была суховата, но вкусная; надо было сказать это раньше, теперь получилось бы отвлечение.

— Лена к отцу не хочет.

Виктор держал ломоть хлеба и не ел.

Нина объяснила, что в четверг они всё равно съезжают посмотреть, там всё готово, кровать стоит, а дочь комнаты даже не видела и уже отказалась. Хочет остаться дома и найти помощницу.

— Ну так давай, как я в субботу говорил. Я к вам перееду.

В субботу они сидели здесь же и считали, сколько человек звать на свадьбу. Он сказал это между делом, и Нина решила тогда, что предложение возникло у него по ходу разговора; ответила, что у Олега уже всё готово, а они с дочерью справятся. Он спросил, значит ли это, что он ей там не нужен. Она сказала, что хочет жить здесь. На том и закончили.

— У нас тесно, — сказала она сейчас.

Он напомнил, что бывал у них: две комнаты, кухня, ванная. Знал, где стоит подъёмник. Вещи мог бы возить постепенно, ему хватило бы полки и половины перекладины.

— Комната маленькая.

— Кровать хорошая. Ты на ней спишь.

Нина хотела сказать про сушилку, которая стоит в коридоре и которую ночью не обойдёшь, и остановилась. Она уже третий раз отвечала ему квартирой. Кухня у неё была не хуже этой, комната не такая уж маленькая, а сушилку можно переставить к стене.

— Вить, я не про метры.

Она представила его рубашку на спинке своего стула. Утром он захочет кофе, а она будет у Лены. Дочь услышит, как они разговаривают за стеной, и наденет наушники, а Ни-

на всё равно будет прислушиваться, тихо ли они говорят.

— Я хочу жить с тобой вдвоём.

Она почувствовала, что краснеет, — за весь вечер это случилось впервые.

Виктор, глядя на стол, положил хлеб и поднял голову.

— Ты ей это сказала?

— Я сказала, что после свадьбы буду жить у тебя.

Он спросил, что ответила Лена. Пришлось повторить: останется дома, найдут помощницу.

Виктор откинулся на спинку. На его тарелке лежал кусок рыбы, оставленный, пока она говорила, и к нему прилип кружок огурца; Нина зачем-то следила именно за этим кружком.

— Может, мне самому с ней поговорить?

— Не надо.

Она ответила раньше, чем подумала, и добавила, что дочь ещё сердится из-за комнаты и сейчас всё перемешается. Довод был складный. Нина знала, что дело не в нём: о том, что Виктор предлагал в субботу, Лена не узнает, и незачем делать вид, будто просто не пришлось к слову.

— Ты меня спрашиваешь или уже решила?

Она посмотрела на него и ответила, что рыба суховата, но вкусная.

Виктор ничего на это не сказал. Доел, забрал её тарелку и спросил, почему она оставила кожу. Нина её никогда не ела; он раньше не замечал. От того, как он просто взял тарелку, ей стало так легко, что захотелось ещё поговорить о рыбе, и

она сказала, что в следующий раз можно готовить меньше.

— В следующий раз включу духовку позже.

Она улыбнулась. Он тоже улыбнулся и сразу встал убирать посуду.

Нина понесла следом стаканы. Виктор попросил оставить, сам донесёт, но она всё равно дошла до мойки и только там вспомнила, что хотела по пути убрать хлеб в пакет.

Телефон лежал у пирога. Лена напоминала купить хлеб и прислала фотографию упаковки, чтобы мать взяла тот же. Они говорили об этом перед уходом. Нина ответила, что помнит.

Виктор посмотрел на часы и сказал, что отвезёт, как обещал. Пока она искала в комнате сумку, он вырезал из пирога середину и уложил в маленький контейнер; край Лена не любила. Пакет стал лёгкий, его можно было не держать снизу.

На кресле осталась плоская подушка. Нина вернула её на место и расправила чехол. Рядом, на подлокотнике, лежала её заколка; она убрала заколку в боковой карман сумки и достала расчёску. Волосы сзади примялись, пришлось смочить ладонь в ванной и пригладить.

У двери она села обуваться. Согнувшись, снова почувствовала поясницу и остановилась. Виктор потянулся помочь, но ремешок уже застегнулся.

В машине она положила ладонь ему на руку.

— Я хочу к тебе.

Он посмотрел на неё и ничего не ответил, только перевер-

нул ладонь. Так они и доехали до светофора.

У магазина Виктор пошёл за хлебом сам: она объяснила, какой, и осталась в машине, потому что выходить с пакетом было неудобно.

Нина открыла телефон. Лена прислала ещё сообщение, про молоко: можно не покупать, есть.

Она ответила и начала писать другое. Что в четверг они всё-таки съездят посмотреть комнату. Что это ни к чему не обязывает, просто посмотрят, и если не понравится, никто её не заставит.

Дописала, перечитала и стёрла до последней буквы.

За стеклом Виктор уже выходил из магазина, разглядывая на ходу ценник на упаковке. Нина убрала телефон в сумку и подвинула пакет с пирогом ближе к ногам.

Глава третья. Бумаги

Лена просила снять опрыскиватель без коробки. Со склада прислали коробку, да ещё с другой стороны: на ней помещался весь текст, который у Лены уже был, включая удобство в работе и долгий срок службы. Снизу в кадр попала чья-то туфля.

Она написала ещё раз. Нужна трубка, по которой идёт вода, целиком. Можно на полу. Можно ничего вокруг не убирать.

На складе не ответили.

В разделе было сорок карточек. За понедельник и вторник Лена сделала девятнадцать, считая лёгкие, где хватало переписать поставщика и проверить объём бака. Сегодня с утра она сидела над двадцатой, потому что в ней стояло «телескопическая штанга», а по фотографиям было непонятно, где эта штанга раздвигается. Стас платил триста за карточку и ждал весь раздел к пятнице. Оставалось двадцать, а дней оставалось два.

На соседней вкладке лежал список поисковых фраз, присланный утром. Одну и ту же вещь полагалось назвать садовым опрыскивателем и опрыскивателем для сада, желательно в первых двух предложениях.

Нина вошла с папкой. Лена ещё из комнаты слышала, как мать перебирает бумаги на кухне: расстегнула одну пласти-

ковую застёжку, другую, что-то уронила и полезла под стол. Теперь папка легла на край коврика для мыши. Лена подвинула её, освобождая себе руку.

— Ты надолго?

— До конца месяца.

— Я только положу.

Положив, мать осталась стоять. Лена сохранила карточку и развернулась к ней.

Нина сразу начала про письмо из управляющей компании. За май у неё ушло больше обычного. Она звонила вчера, ей велели прислать подтверждение оплаты, а подтверждение она присылала ещё в мае. Сегодня утром пришёл ответ: приложенный документ не подтверждает совершение платежа. Как не подтверждает, если на квитанции всё написано?

Мать достала лист и показала пальцем. На сгибе остался след от ручки, которой она обводила сумму, разговаривая по телефону.

Лена открыла переписку. К первому письму была приложена фотография квитанции.

— Это то, что тебе выставили. А надо то, что ты заплатила.

— Так я по ней и платила.

— Покажи в банке.

Нина разблокировала телефон, нашла приложение и протянула. В истории шли мелкие покупки, и мать начала объяснять каждую, до которой доходил палец: за аптекой пекар-

ня, столько там стоил один пирог, кофе она не брала, а большая сумма ниже — это заказ, который привезут в пятницу. Лена попросила пока ничего не объяснять.

Нужный платёж нашёлся в середине мая. Через день стоял ещё один, на ту же сумму.

Лена открыла оба. Совпадали счёт и месяц.

Три тысячи сто сорок рублей. Десять карточек. Два вечера, если сидеть до часу.

Нина забрала телефон. В первый раз приложение долго ничего не показывало, она его закрыла, а на завтра опять увидела квитанцию и решила закончить дело. Теперь она рассматривала два чека так, будто между ними всё-таки должно было обнаружиться различие.

— Я им ещё написала, что они у себя разобраться не могут.

Лена протянула руку. Мать подержала телефон секунду и отдала.

Она проверила реквизиты, скачала оба подтверждения и переслала себе. Файлы назывались одинаково, пришлось переименовать. Ответ начала с дат: два платежа, одна квитанция, просьба проверить поступления и вернуть повторный. Прежнее мамино письмо со словами «сколько можно издеваться» оставалось ниже, в истории, и убрать его было уже нельзя.

Нина спросила, надо ли извиниться. Лена сказала, что можно. Мать подумала и попросила только снять восклица-

тельный знак после приветствия: она ставит его не для крика, просто всегда так пишет.

Лена сняла знак. Сумму проверила ещё раз, решила приложить подписанное заявление, вписала мамины данные и реквизиты для возврата и отправила лист на печать. В принтере кончилась бумага. Нина пошла за пачкой, наклонилась к нижней полке и там задержалась, упираясь рукой в колено.

В папке лежала ещё справка, полученная на их пенсионный запрос. Угол был загнут. Мать всегда загибала там, где собиралась спросить, иногда на одном листе с двух сторон. Лена расправила угол, сверила сумму с последним поступлением на карту, показала матери, где смотреть, и сфотографировала справку, чтобы лежала рядом с перепиской.

Файл она положила в «Мамино». Папку Лена завела в старших классах, когда впервые помогала матери отправить отсканированный документ, и название осталось. Внутри давно появились другие папки, но Нина всё равно просила поискать в «Мамином», и нужное иногда находилось среди школьных файлов, которые Лена так и не разобрала. Там лежала её фотография для какого-то пропуска, с плохо обрезанным плечом, и сочинение под именем «новое_точно».

Со склада пришли снимки. Трубку положили на кусок картона и сняли рядом с линейкой, а для второго кадра подняли за оба конца. Следом короткое: «Не выдвигается. Просто откручивается».

Лена убрала «телескопическая». Записала длину по ли-

нейке. У поставщика штанга предназначалась для труднодоступных мест; она заменила это грядкой — можно достать до дальних растений с дорожки, не наступая на посадки. Перечитала и убрала «можно».

У бака был прозрачный участок сбоку, но на общей фотографии его закрывал ремень. Лена попросила снять с другой стороны. Стас ответил, что там склад и хороших фотографий не будет. Она написала, что фон уберут, нужно только отодвинуть ремень.

К двум часам правая нога начала тяжелеть, как всегда, если долго не менять положение. Лена откатилась от стола, переставила ноги иначе, посидела, упершись ладонями в подлокотники, и вернулась.

Мать уже достала свадебный счёт, сложенный отдельно, вчетверо. Лена развернула его и прижала ладонью сгиб. Внизу стояла сумма за чехлы на стулья.

Нина попросила написать администратору, что чехлы они берут, только банты нужны светлее, чем на фотографии. Лена посмотрела снимок зала. Белые стулья были перевязаны сзади широкими лентами, и на ближнем к камере за бантом пряталась вся спинка.

— Давай без них.

Мать придвинула фотографию к себе и сказала, что ей нравится: с бантами сразу видно, что свадьба, а без бантов просто люди пришли поужинать.

Лена начала говорить, что люди и так будут знать, зачем

пришли, и осеклась. Она увеличила один бант: конец ленты лежал на полу, его наверняка зацепят ногой. Нина молчала, держа фотографию двумя пальцами.

— Светлее — это какие?

— Как платье на второй фотографии.

— Мам, платьев было шесть.

— Которое ты сказала, что на работу.

Лена нашла платье. Оно было бледно-розовое, при увеличении уходило в серый, и объяснять цвет по экрану не имело смысла. Она написала администратору, что нужны светло-розовые ленты, и попросила прислать имеющиеся варианты рядом с белым чехлом. Мать одобрила и добавила, что надо посмотреть скатерти: на снимке край одной лежал на полу.

Лена дописала про скатерти. Ей всё ещё хотелось отправить матери тот же зал с обычными стульями; она нашла фотографию на сайте, посмотрела и закрыла.

Нина забрала снимок зала, счёт оставила дочери. Лена открыла следующую карточку, и тут позвонил Стас.

Она надела наушники. Мать принесла с кухни блюдо с остатком капустного пирога, поставила на свободное место и ушла.

Стас спросил, почему готова одна. Лена ответила, что у остальных сведения не сходятся с фотографиями, и рассказала про трубку.

— Убирай телескопическую. Дальше что?

Дальше был список. Лена открыла его.

— Опрыскиватель садовый ручной. И через строчку садовый ручной опрыскиватель. Можно я один раз скажу, что он ручной?

— Мне прислали список. Вставь по списку.

— Кто прислал?

— Человек, который занимается поиском. Ему за это платят.

Лена покрутила мышь в ладони. Сказано было обычным голосом, без нажима, и всё-таки захотелось спросить, за что платят ей. Она промолчала. Стас уже продолжал: раздел надо залить к пятнице, тексты поставщик прислал, их можно привести в порядок и добавить слова, они это на прошлой неделе обсуждали.

Обсуждали. Лена сказала, что помнит.

— Тогда сделай сначала все. Улучшать будем, когда встанут на сайт.

Она знала это «будем». На сайте с прошлого года лежали карточки с её пометками. В одной покупателю обещали боковой карман, которого у сумки не было; Лена показывала фотографию, Стас разрешил исправить, но доступа к залитому разделу у неё не было, а человек с доступом отвечал через день.

Она сказала про карман. Стас помолчал, попросил ссылку. Прочёл вслух неверную строчку и выругался. Сказал, что уберут сегодня, и вернулся к опрыскивателям: на той неделе

он запускает рекламу на раздел.

— Эти три жду сегодня.

Лена посмотрела на часы в углу экрана. Половина шестого. За день она закончила одну карточку и половину второй.

После звонка она сняла наушники и положила рядом с клавиатурой. Пирог остыл. Она отломил кусок и, жуя, перечитала последнюю строчку.

Из кухни заглянула Нина, спросила, опять ли он недоволен. Лена ответила, что ему надо побыстрее.

— Ну и сделай, как просит. Исправить ведь всегда можно.

Лена открыла рот и не сразу нашлась. Эти слова она уже слышала сегодня, часа полтора назад, в наушниках, и там они означали, что не исправят никогда.

— Знаю, — сказала она слишком резко.

Нина ушла. На кухне звякнула посуда. Лена потянулась за блюдцем, не доев, хотела отвезти сама, но мать уже вернулась, увидела оставшийся кусок и оставила блюдо на столе.

Заявление лежало на принтере. Нина взяла его и ручку из зелёного стакана. Ручка не писала: получилась бледная черта, за ней ещё одна.

Лена дала другую. Мать спросила, где подписать, расписалась внизу, над напечатанным именем, и прижала к подписи обрезок чистой бумаги, чтобы не смазать. Из стакана достала ещё две ручки и попробовала обе на этом обрезке. Одна писала, другая царапала.

— Выбросить?

Лена разрешила и тут же забрала прозрачную обратно: у неё был тонкий стержень, а такой уже не попадался. Нина держала ручку над корзиной, вернула и заодно высыпала на стол остальные — можно проверить сразу все, пока есть бу-мажка.

— Мам, я сама.

Мать выбросила первую, завинтила вторую и положила возле ноутбука.

Подпись высохла. Лена сняла заявление телефоном, вы-прямила изображение, приложила к чекам, прочла письмо вслух, дождалась маминого «давай» и отправила. Копию со-хранила у себя; ответ придёт Нине, и смотреть его мать про-сила вместе.

Она вернулась к опрыскивателю. В первой фразе накопи-лось столько определений, что до объёма бака читатель до-бирался через две строки. Лена перенесла часть в заголовок, прочитала вслух, тихо, не для матери, переставила ещё два слова и прочитала снова.

Нина собирала бумаги. Справку убрала в отдельный кар-ман, счёт положила к фотографии зала; угол снимка не вхо-дил, пришлось подогнуть. Лена предложила оставить фото-графию дома, такая же есть в телефоне, но мать всё равно убрала лист.

У двери она спросила, к которому часу завтра вызывать машину. Лена перестала печатать. Вчера говорили, что к от-цу поедут после обеда.

Она попросила сначала прислать адрес. Нина назвала улицу и добавила, что уже договорилась с Олегом. Лена повторила просьбу. Мать нашла сообщение и переслала.

Отец писал, с какой стороны заезжать во двор, и указывал номер квартиры. Ждёт с двух.

Лена открыла переписку с ним и написала, что приедет завтра, но оставаться не собирается. Перечитала. На экране получалось грубее, чем она сказала бы вслух. Добавила в начале «Пап» и отправила.

— К двум, — сказала она матери. — Обратно сами.

К девяти вечера она рассчитывала быть дома: по четвергам в девять её ждали в чате.

Нина ушла с папкой под мышкой и уже из прихожей напомнила про молоко: завтра кончается срок, надо выпить сегодня.

Лена доела пирог, придерживая ладонью крошки.

От администратора пришла фотография четырёх лент, разложенных на стуле. Лена увеличила её, вырезала участок с розовыми и переслала матери, написав сверху, что оттенка два и выбирать надо по левому краю, там свет одинаковый.

Дальше на очереди был список.

Оставалось девятнадцать карточек и два дня, и она поставила «опрыскиватель садовый ручной» в первую строчку, а через предложение «садовый ручной опрыскиватель для сада», как было велено. Фраза получилась такая, что её не стал бы читать никто, кому этот опрыскиватель действительно ну-

жен. Лена перечитала её один раз и отправила.

В половине двенадцатого за окном было ещё светло. Она доделала вторую карточку, начала третью и вспомнила про молоко, когда уже не стоило вставать.

Глава четвёртая. Комната

Стол стоял у окна, собранный, без выдвижной полки для клавиатуры. Отец сразу показал отверстия, оставшиеся от направляющих: полку они с мамой решили снять, чтобы удобнее было подъезжать.

Лена узнала стол ещё с порога. Тот самый, ссылку на который она отправила ему на прошлой неделе. На сайте он выглядел меньше. Здесь между его краем и шкафом осталось место для узкой тумбочки, купленной отдельно, и Олег объяснял, почему белое у них разного оттенка: в магазине всё стояло под лампами, там было незаметно.

Нина провела пальцем по столешнице и сказала, что эта хотя бы матовая. Отец согласился и предложил Лене попробовать.

Она въехала в комнату. После дороги хотелось расправить спину, но сначала надо было пройти между отцом и кроватью. Олег втянул живот и прижался к стене. Мать попросила его выйти, он вышел и тут же вернулся убрать с пола удлинитель.

Подлокотники прошли под столешницей, колени ничего не задели. Лена положила руки перед собой. Высота была хорошая.

— Ну?

— Подходит.

Олег с заметным облегчением сел на кровать. Лена не успела сказать, что стол выбирала сама.

У изголовья лежал пульт. Кровать они смотрели с Ниной, она прислала ему несколько ссылок, а привезли её разобранной; за сборку запросили отдельно, хотя по телефону говорили, что всё включено, и пришлось согласиться, потому что коробки заняли прихожую и через них два дня переступали.

Отец нажал кнопку. Изголовье поднялось вместе с подушкой. На пульте ещё держалась защитная плёнка; он подцепил её ногтем, надорвал у края, оставил и показал другую кнопку.

Нина следила, наклонив голову, и попросила опустить пониже. Отец опустил. Мать посмотрела на дочь: у них дома высота такая же.

Лена не ответила. Сумка лежала на коленях, ремень попал под левую руку; она высвободила его, повесила сумку на спинку и отъехала от стола. После машины левая нога лежала неудобно. Лена поправила её рукой и несколько секунд сидела откинувшись, пока отец рассказывал про матрас.

В старый лифт коляска здесь не вошла бы, но лифты заменили ещё до того, как Олег с Галиной въехали в этот дом. Сегодня он встретил их внизу и до самой квартиры вёз сам, держась за ручки, хотя Лена могла ехать и без него; она позволила, потому что за дорогу затекло плечо. В прихожей отец достал длинную ложку для обуви, протянул Нине, а перед дочерью посторонился. Галя задерживалась на работе и про-

сила всё смотреть без неё.

Раньше, приезжая сюда, Лена до этой комнаты не доходила. Сидели на кухне или в большой, Галина приносила альбом и показывала фотографии из поездок. Лена любила смотреть их вместе с ней: Галина помнила названия маленьких городов, которые Олег всякий раз переспрашивал, и сердилась, когда он пытался листать быстрее, потому что он искал снимок, где их обоих хорошо сняли, а ей хотелось рассказать про дорогу.

Теперь две коробки с альбомами стояли в углу под окном, и на верхней лежал прошлогодний календарь. Отец заметил Ленин взгляд и сказал, что это тоже уберут. Вещей оказалось больше, чем думали. Галя уже освободила две полки в большом шкафу.

Нина взялась за ручку тумбочки. Ящик выехал вместе с приклеенным к нему пакетиком винтов; она подняла его и спросила, остались ли лишние. Олег ответил, что это к полке, и, когда мать положила пакетик обратно, вынул и убрал в карман.

Лена достала телефон. Стас прислал список оставшихся карточек, возле двух стояли чужие инициалы. Она спросила, что они значат. Ответ пришёл сразу: эти делает Вера. Если шесть следующих не будут готовы сегодня, он отдаст и их.

Без десяти три. Вчера она собиралась закончить три карточки, отправила две, третья так и осталась открытой; утром она села за неё, не одевшись, и увлеклась настолько, что мать

дважды звала из прихожей.

Олег спросил, не нужно ли позвонить. Лена покачала головой, написала Стасу, что пришлёт вечером, и убрала телефон, не дожидаясь ответа.

— Розеток хватит?

Он поставил под столом сетевой фильтр и нагнулся проверить, включён ли тот в стену.

— Хватит. Пап, покажи ванную.

В коридоре пришлось разворачиваться. Нина потянулась поправить свесившийся к колесу ремень сумки, но дочь уже убрала его на колени. Олег шёл впереди, открывая двери, и говорил, что переделок осталось немного, мастер обещал за два дня, надо только выбрать, когда всем удобно.

В санузле уже сняли тумбу под раковиной, и на плитке остались светлые прямоугольники от её боковин. Лена подъехала и достала до крана. Вода включалась одним движением, как у неё дома. Она закрыла кран и посмотрела, сколько места остаётся сбоку.

Отец спрашивал, где лучше ставить поручень. Нина начала объяснять, как сделано у них, остановилась и спросила дочь, что она думает.

Лена назвала место.

Олег взял рулетку и прижал конец к стене, Нина держала другой. Они вдвоём мерили расстояние, а Лена сидела перед ними и смотрела на две короткие карандашные полоски, оставшиеся от снятой тумбы.

Жить здесь было можно. Раковина годилась, кровать подходила, проход из коридора оказался шире, чем ей показалось сначала. Поручень поставят там, где она сказала. Подъёмник перевезут.

— Пап, пока ничего не сверли.

— Я и не сверлю. Запишу для мастера.

— Я здесь жить не буду.

Олег отпустил рулетку. Лента ударила о корпус, он придержал её пальцем и посмотрел на Нину.

— Нин. Ты сказала, приедут посмотреть.

Мать ответила, что они и смотрят.

Отец постоял, записал размер в телефон и вышел первым.

На кухне он достал из духовки кастрюлю: Галина оставила им обед и просила хорошо разогреть. Олег включил конфорку, снял крышку и удивился, что суп ещё тёплый. Нина нашла ложку и размешала. Они заговорили о том, что Галя наготовила слишком много, а Лена стояла в дверях и ждала, когда отец подвинет стул.

Он заметил и убрал сразу два, чтобы можно было подъехать с торца. Нина поставила перед дочерью тарелку. Есть не хотелось, но Лена взяла ложку; когда она согнулась к столу, край футболки натянулся на пояснице, и пришлось опустить руку, расправить ткань и сесть чуть иначе. Отец спросил, не высоко ли. Она сказала, что всё хорошо.

Из кухни был виден шкаф в прихожей. Одна дверь не закрывалась, из неё выступал свёрнутый плед.

— А утром кто будет?

Олег принёс хлеб и сел.

— Я. Я же здесь.

— Ты во сколько уходишь?

— В начале восьмого. Встанем пораньше, успеем.

Она спросила, насколько пораньше. Отец ответил, что надо посмотреть, сколько всё занимает; он и сейчас встаёт в шесть, ему нетрудно. Нина уточнила, что с душем понадобится дольше, и он тут же решил: значит, душ с вечера.

Лена положила ложку.

— Ты умеешь?

— Научусь. Мама покажет.

Сказано было спокойно. Он принялся есть, глядя в тарелку. Лене захотелось сейчас, пока он не закончил, спросить про каждое утреннее действие по отдельности, заставить его представить их одно за другим; она знала, на каком он замялся бы.

— А если я работала до двух?

Отец поднял глаза и спросил, часто ли так бывает. Она сказала, что бывает.

— Днём поспишь.

Нина заметила, что в коляске Лена днём не спит. Олег перевёл взгляд с неё на дочь: можно ведь лечь обратно, Галя работает рядом и на обед приходит домой.

— Вы с ней говорили?

— Она сама сказала: понадобится — помогу.

Лена представила, как Галина входит, кладёт ключи, смотрит на часы. Обед у неё час вместе с дорогой, и поесть тоже надо. Перед ними стояла её кастрюля, которую они сейчас доедали без неё, и Лене стало совестно оттого, что она сама вытягивает Галину в этот разговор; отец назвал её так уверенно, будто та уже сидела за столом и могла подтвердить.

— Я и у себя могу вставать позже. Для этого переезжать не надо.

Нина отпила воды. Отец сдвинул от себя пустую тарелку.

— И кто к тебе будет приходить?

— Найдём. И ты можешь.

— Утром?

— Вечером. Хотя бы несколько раз. Утро отдельно решим.

Олег посмотрел на Нину. Мать поправила ремешок часов, повернув застёжку вниз.

— Я ещё работаю, Лен.

Она сказала, что знает. Он заговорил о дороге из Колпина: сюда они ехали днём, а вечером возвращаться поздно, и это каждый раз час с лишним в один конец. Лена слушала, глядя на его руки. Отец замолчал, но ответа ждал.

— Да. Тебе придётся ездить.

Каждый день она не просит, добавила Лена; можно договориться, в какие вечера у него есть время, на остальные искать человека, она вчера уже открывала объявления, только до звонков не дошло.

Олег ответил, что помощницу можно нанять и здесь, если ему придётся задержаться или они с Галей куда-нибудь уедут, зато обычно всё будет под рукой. Он перечислял без раздражения, возвращаясь к уже сказанному, и в конце сказал, что домой она сможет приезжать когда захочет.

Лена ждала, пока он закончит. Ей казалось, что она ждёт слишком заметно, и она взяла кусок хлеба, хотя есть не хотела.

— Пап, я хочу жить дома.

— А здесь тебе что мешает?

Она не ответила сразу.

Стол подходил, поручень поставят, и место для поручня она назвала сама. На большом пальце у отца, возле ногтя, темнела заноза; он потёр её указательным, подцепил и оставил. В ноябре ему шестьдесят. Он встаёт в шесть и ездит из Колпина, и лет десять, наверное, будет вставать и ездить. Ей тогда будет сорок один, и всё это придётся начинать заново, уже из его квартиры, в которую её к тому времени перевезут окончательно.

Сказать это за две недели до маминой свадьбы было нельзя. Тогда получилось бы, что она заранее хоронит их обоих, пока мать выбирает ленты на стулья.

— Я уже сказала, где хочу жить.

Олег откинулся на спинку стула и спросил, зачем же они тогда всё это делали.

Кроватей перебрали штук шесть, Нина остановилась на

этой; одна кровать с матрасом обошлась в пятьдесят восемь тысяч. За стол платили отдельно. Старую мебель пришлось вывозить, за тумбу в ванной тоже взяли, хотя он мог бы снять её сам, но человек приехал посреди рабочего дня, и Галя звонила с работы спросить, разбирать ли.

Нина слушала, сцепив пальцы. Про стоимость вывоза она, по её словам, слышала впервые. Отец сказал, что говорил по телефону. Мать не стала возражать.

— Я тебе стол отправила, потому что думала, он тебе нужен.

— Стол хороший. Такой и нужен был, я у тебя видел.

— Я выбирала для тебя.

— Мы с мамой это до того обсудили. Она попросила приготовить комнату. Я приготовил.

Лена повернулась к матери.

Нина ответила, что другого места с такими условиями у них нет: у отца и дом подходит, и лифт, и переделать он готов всё, что нужно. Лена спросила, что не подходит в её собственной квартире. Мать начала про утро и осеклась, потому что утро уже обсудили.

В сумке зазвонил телефон. Лена достала его слишком быстро и задела локтем нож; Олег поймал нож у края стола.

Стас передавал Вере следующие шесть позиций и просил их не трогать. Ждать вечера он не мог, ей тоже нужно время.

Лена перечитала названия. Тысяча восемьсот. По этим шести она ещё вчера собрала половину сведений. Она от-

крыла таблицу, выделила свои строки и несколько секунд смотрела на них. Отец молчал, пока она печатала. Она ответила, что поняла, и отправила ссылку на заметки.

— Мне нужно домой.

Нина посмотрела на часы. Машину договорились вызвать после четырёх, водитель освобождался к половине пятого; можно спросить, сумеет ли раньше. Мать вышла в коридор звонить, оставив сумку на соседнем стуле.

Олег собрал тарелки и предложил кофе. Лена отказалась, попросила воды. стакан был тяжёлый; она взяла его двумя руками, отпила и поставила ближе к краю, чтобы в следующий раз меньше тянуться. Отец спросил, принести ли другой. Она сказала, что этот годится.

Из коридора доносился голос Нины: водитель раньше не успевал, и она выясняла, нельзя ли прислать кого-нибудь другого.

Олег вытер стол вокруг Ленина локтя. Тряпку он держал сложенной в несколько раз и всё поднимал по очереди, проводил под каждой вещью и ставил её обратно; так он вытирал и тогда, когда жил с ними.

— Пап, ты можешь завтра вечером к нам приехать?

Он остановился с хлебницей в руке.

— Я же предлагаю: приезжай ко мне. Посмотришь, как дома. Не надо сразу на всё лето.

Отец поставил хлебницу на холодильник. Сказал, что завтра работа и он не знает, когда закончит; сегодня и так от-

просился. Лена попросила написать, когда будет знать.

Олег пообещал и спросил, удобно ли ей было под столом. Она сказала, что удобно.

Нина вернулась: четыре десять, раньше никак. До четырёх оставалось двадцать минут, и отец предложил посидеть пока в большой комнате, раз здесь всё посмотрели. Лена поехала туда, а мать осталась помогать ему убирать.

Возле дивана стояла ещё одна Галина коробка с торчащим альбомом. Лена вытащила его и положила на колени. Здесь были фотографии, которых она не видела: на одной Олег сидел за длинным столом среди незнакомых людей, а следующая страница оказалась пустой, с подписью внизу — «Ужин в субботу», — и клейкие уголки были уже наклеены, а снимки лежали в конверте за обложкой.

Лена достала их и стала прикладывать. Снимали много раз, пока кто-то не начал есть, и в руках у всех были разные тарелки. На одной фотографии отец смотрел мимо камеры, а Галина, наклонившись к нему, что-то объясняла с открытым ртом и держала руку у него на плече.

Лена оставила эту сверху и закрыла альбом.

Олег пришёл сказать, что машина подъезжает. В прихожей на столике лежала инструкция к кровати; Нина полистала её и оставила возле ключей, а отец сказал, что там только про пульт, остальное мастер показал.

В лифте они ехали втроём, мать сбоку от коляски, отец у двери, и, пока кабина шла вниз, Лена думала о том, что до-

ма первым делом надо будет сменить положение, а дальше садиться за оставшиеся карточки, которые Стас пока не передал Вере, и что в девять её ждут в чате, и что до девяти она всё равно ничего не успеет.

У машины Олег спросил, есть ли у них дома подходящая лампа. Лена не сразу поняла. Он показал на окна наверху: та, с двумя положениями, ему всё равно не нужна, можно забрать.

Она поблагодарила и сказала, что лампа есть. Отец остался стоять рядом, пока водитель раскладывал пандус, и отошёл только тогда, когда его попросили освободить место.

Глава пятая. Четверг

Новый микрофон у Кирпича оказался хорошим: теперь было слышно, как он ест. Кирпич всё спрашивал, стало ли лучше, пока Север не посоветовал ему отодвинуть бутерброд.

Лена вошла в разговор последней. Домой её привезли в пятом часу, и до половины девятого она успела сделать две карточки; оставалось одиннадцать и пятница. Если к утру субботы раздел не будет залит, Стас отдаст остаток Вере, как отдал днём шесть позиций, и одиннадцати карточек просто не станет.

Она закрыла рабочие вкладки и отодвинула блокнот. Под локтем мешала крошка; она смахнула её на ладонь и только тогда придвинулась к столу.

Мята уже держала ей место в команде и не разрешала начинать проверочную партию: в прошлый раз проверяли полвечера, а когда собрались играть, всем понадобилось спать. Кирпич уверял, что сейчас всё настроит. В наушниках глухо стукнуло, зашуршала ткань, и он спросил, как его слышно теперь.

— Верни как было. Бутерброд хотя бы не разговаривал.

Кирпич засмеялся. У него был короткий смех, после которого он обычно объяснял, что именно его рассмешило, и никто не давал ему закончить. Под его именем появилась зе-

лёная полоска, но Мята уже просила ссылку.

Настоящее имя Кирпича Лена знала и никогда им не пользовалась. Однажды он написал ей с обычной почты, и она долго искала в переписке, откуда взялся Сергей Владимирович. Север так и оставался Севером. Мята присылала голосовые, которые Лена узнавала по первому вздоху: прежде чем рассказывать, та всякий раз набирала воздуха, будто разговор предстоял тяжёлый, хотя чаще речь шла о том, что у неё опять не получилось испечь.

Сегодня она пекла со сливами. Сливы были замороженные, класть их следовало меньше, и теперь приходилось есть ложкой.

Про коляску в чате знали давно и ни разу об этом не заговаривали; Лена уже не помнила, когда и кому сказала сама.

Открылось поле из двадцати пяти слов. Часть прямоугольников была красной, часть синей, Мята видела те же слова без цвета, и Лене предстояло одним словом связать как можно больше красных. Кирпич с Севером играли за синих.

Пару она увидела сразу.

— Рояль, два.

Мята открыла «клавишу», задержалась и рассмеялась, прежде чем нажать на «куст». Оба прямоугольника покраснели.

Кирпич возразил, что рояль в кустах не водится. Мята предложила ему посмотреть внимательнее: на её экране уже водился. Север попросил не помогать противнику разгово-

рами, а то у него тоже есть подсказка, только её ещё надо дослушать.

Пока они советовались, Лена сняла с колен полотенце, оставшееся после ужина, сложила и переложила на стул возле кровати. Из кухни доносилось редкое позвякивание. Она прибавила звук.

У Кирпича с Севером пошло хуже. Север дал подсказку к трём словам, Кирпич угадал одно и принялся перечислять остальные вслух, задерживаясь на самых неподходящих; он умел найти объяснение любому варианту, и по голосу выходило, что всё это давно связано между собой, а остальные только сегодня узнали.

Мята написала Лене отдельно: «Сейчас дойдёт до чайника».

На поле был «чайник», совершенно ни при чём.

Он добрался до него через минуту. Ещё только начинал объяснять, каким образом чайник может относиться к пустыне, а Лена уже смеялась, и Мята, услышав, велела ей выключить микрофон, чтобы не спугнуть.

Север позвал напарника по нику, растянув первый слог. Кирпич выбрал верное слово и замолчал.

Дальше брали по одному. Лена дважды пробовала связать несколько, но Мята, угадав первое, отказывалась рисковать, и к концу партии у них оставалось три красных, у противников два.

Одно бесспорное слово ещё было. Лена пробежала поле:

«заколка» и «палочка» стояли в разных углах, пара хорошая, сейчас Мята возьмёт обе, и на следующем ходу можно закончить.

— Краб, два.

Первую Мята нашла сразу. Со второй задумалась.

Лена ждала, уже придумывая, как подскажет последнее слово, и, только когда курсор пошёл к «салату», посмотрела на этот прямоугольник как следует. Он был синий. Она и раньше его видела, просто он не мешал.

— Ну, салат, — протянула Мята.

Лена сжала губы.

— Или палочка? Но тогда были бы палочки. Нет, салат.

Прямоугольник посинел. Кирпич поблагодарил. Через минуту партия закончилась.

— Там была палочка.

— Я уже вижу. А салат какой?

— Крабовый.

— Так и палочки крабовые.

Лена смотрела на раскрытое поле. Поле она перед подсказкой не прочитала, а посмотрела; между этим была разница, которую сегодня она чувствовала весь день.

— Лен, ты обычно одним словом четыре берёшь, — заметил Кирпич. — Сегодня как-то мимо.

Она ответила, что устала, и это было правдой, хотя устала она не от работы. В голове всё ещё стояли две карандашные полоски на плитке, оставшиеся от снятой тумбы, и то, как

лента рулетки ударила о корпус.

Мята тем временем объявила, что сегодня же сделает салат, раз о нём столько говорят: у неё остался вчерашний рис.

Север удивился. Зачем в салат рис?

Лена хотела её поддержать и стала вспоминать, клала ли рис мать. На Новый год салат делала она, Нина только варила яйца. Риса там не было.

Кирпич заявил, что без риса это вообще не салат, и уже минуту спустя — что у него дома туда кладут яблоко. Чистить обязательно, резать мелко, сорт несладкий. Север спросил, кто всё это режет. Кирпич ответил, что жена, но он помогает: кукурузу, например. Резать её, разумеется, не надо, он имел в виду банку, которую надо открыть и слить.

— Передай жене, — сказала Мята, — что Сергей Владимирович сегодня ей очень помог.

Лена сидела с ладонью у рта. Кирпич обиделся на отчество: в сети он от него отдыхал. Север немедленно начал следующий вопрос с полного имени, и так вежливо, что Мята не дослушала и засмеялась раньше ответа.

В дверях появилась Нина. Сначала Лена увидела её отражение в тёмной рамке монитора и только тогда сняла один наушник.

Мать попросила лечь сегодня пораньше: после дороги болела спина. На экране уже открылось новое поле, и Мята ждала, пока Лена займёт место.

Лена выключила микрофон и попросила сорок минут.

Нина постояла, опираясь ладонью о косяк. Сказала, что пока пойдёт в душ, спросила, нужны ли чистые брюки на завтра, и, получив ответ, ушла.

Теперь подсказывала Мята, а угадывать предстояло Лене. Север всё ещё печатал. Он прислал снятый на телефон рукописный рецепт; внизу стояло «рис по желанию». Кирпич попросил показать, чья рука. Север ответил, что мамина. Мята предложила на этом закончить, потому что подключать матерей они не договаривались, а иначе ей тоже есть кому позвонить.

Лена прочла список продуктов. Яблока там не было. Она сообщила об этом Кирпичу и услышала, что отсутствие в одном рецепте ничего не доказывает.

Мята дала подсказку, Лена прослушала число и переспросила. Та повторила с терпением, которое было хуже раздражения. Два. «Каток, два».

«Лёд» открылся сразу, красный. Вторым мог быть «круг», все ездят по кругу. Или «суббота», если Мята вспомнила, как они куда-то ходили кататься, — но кто ходил? Она ни о каком катании не рассказывала. Лена принялась рассуждать вслух и услышала, как Север тихо кашлянул; Кирпич попросил его не мешать.

Она ещё раз прочла слова и увидела «асфальт».

Зелёная полоска у Мяты появлялась и гасла: та, видимо, шумела у себя посудой. Спрашивать, строительный ли она имела в виду, было бесполезно. Лена подвела курсор, задер-

жала и нажала.

Красный.

Она откинулась на спинку. Пока Север с Кирпичом думали, можно было допить чай; он давно остыл, на блюде лежала ложка с прилипшей чайинкой. Лена приподняла чашку обеими руками, осторожно, чтобы не задеть провод.

На новом поле чайника не было, и она поймала себя на том, что всё равно ищет его глазами.

Партия шла медленно. К Кирпичу позвонил в дверь сосед; Кирпич ушёл, оставив микрофон включённым, и все слушали, как он отвечает из прихожей. Сосед спрашивал, не мигает ли у него свет. Кирпич вернулся и попросил подождать ещё минуту: теперь он и сам хотел выяснить, мигает или нет.

Мята отправила ему картинку свечи.

Пока ждали, Север рассказал, как вчера забирал из ремонта ботинки. Ему выдали чужие, а обнаружил он это только дома, потому что открывать пакет в мастерской было неудобно: в другой руке держал продукты. Собрался ругаться, пришёл обратно и увидел свои на ногах у другого человека — тот как раз объяснял мастеру, что с пяткой что-то сделали и теперь жмёт.

Дальше они оба сидели на низких стульях у стойки и разувались, стараясь не смотреть друг на друга. Мастер говорил, что при таком освещении подкладка у всех одного цвета и перепутать может каждый. Мужчина, перед тем как отдать, ещё раз прошёлся по залу, проверяя, действительно ли жмёт.

— Ботинки были тёплые, — сказал Север.

Лена засмеялась так, что пришлось поставить чашку.

Она спросила, подошли бы ему чужие. Север ответил, что даже не примерил. Мята сказала, что зря: вдруг понравились бы.

Кирпич вернулся и сразу спросил, чем Лене могла понравиться свеча. Пришлось рассказывать про ботинки заново, и Север на этот раз дошёл до места, где второй хозяин доказывал, что до ремонта подкладка была другого цвета, а мастер соглашался: при их освещении чего только не бывает.

Когда снова стали играть, Лена уже не помнила, какое слово оставила до перерыва, и пришлось перечитывать всё поле. Мята вздыхала, но смеялась, и сердиться на неё не получалось.

В ванной перестала шуметь вода.

Лена посмотрела на время и сказала, что эту партию доигрывают, а дальше без неё. Кирпич предложил ещё одну короткую. Мята напонила, что короткую они играют двадцать пять минут.

Осталось по два слова. Лена торопилась, старалась не торопить остальных и, когда Север опять принялся выбирать между значениями подсказки, постучала пальцами по столу. Кирпич услышал и попросил не давить: это как раз мешает думать.

Она убрала руку на колени.

На последнем слове их обошли. Мята сказала, что в сле-

дующий раз будет подсказывать Северу: тот хотя бы не спорит, пока угадывает. Север возразил, что ещё неизвестно, как он станет спорить в одной команде. Лена предложила проверить через неделю.

Прощались все сразу, перебивая друг друга. Кирпич вспомнил, что так и не спросил про микрофон; Мята сказала — оставляй этот, и вышла, и её значок погас прежде, чем он поблагодарил.

Лена сняла наушники. От тишины показалось, что уже очень поздно, хотя окно ещё светилось поверх опущенной шторы. В чате остались фотография заколки, рецепт и свеча. Север дописал под рецептом, что яблоко всё-таки можно.

Лена ответила ему, что поздно.

Одиннадцать. Из кухни давно ничего не доносилось: ни воды, ни посуды.

Она отъехала от стола и позвала мать.

Нина пришла в халате, с полотенцем на плече, волосы были уже сухие. Лена спросила, клала ли она рис в крабовый салат.

— Конечно клала. Когда народу много. А что?

— Мы спорили.

Мать повесила полотенце на спинку стула и покатила от стены подъёмник. Наклоняясь за подвесом, она задержалась и распрямлялась дольше обычного, придерживаясь за изголовье. Лена смотрела на её руку на трубе кровати.

Спросить, сильно ли болит, значило получить «нормаль-

но». Она сняла свитшот, собрала волосы на плечо и подождала, пока мать расправит ткань у бедра.

Мотор загудел. Нина стояла ближе, чем всегда, и придерживала не только подвес.

Когда Лена легла, мать села на край кровати и не сразу поднялась. На ней был тот же халат, в котором она ходила по квартире с зимы, с вытянутым карманом, куда складывала прищепки.

Лена начала рассказывать про ботинки. На человеке, которому жала чужая пятка, она сбилась и засмеялась, а Нина ждала продолжения, поэтому пришлось объяснять ещё и про свечу, и про соседа со светом, и откуда взялся Сергей Владимирович.

Мать слушала. Под конец спросила, на сколько человек считать салат.

— Ни на сколько, мам. Мы просто разговаривали.

Нина сказала «а-а» и осталась сидеть, потирая поясницу тыльной стороной руки.

Глава шестая. Условие

Нина опустила гладильную доску пониже и села на кухонный стул. Гладить сидя оказалось неудобно: брюки приходилось перехватывать, прежде чем расправить вторую штанину, и длинный конец всё время сползал на пол. Но вставать она пока не хотела. Со вчерашнего вечера тянуло поясницу, и утром, помогая Лене, Нина несколько раз останавливалась посреди дела. Дочь уже продела голову в футболку и сидела, просунув руку в рукав, пока мать держала его с другой стороны.

— Можно отпускать?

Нина разжала пальцы. С футболкой Лена обычно справлялась сама.

Вчера она просидела на кухне полтора часа. Из комнаты доносился смех, и Нина несколько раз поднималась сказать, что сорок минут давно прошли, и садилась обратно. Позвонил Олег, спросил, разбирать ли обратно Галины коробки. Нина сказала — пока пусть стоят.

Когда Лена наконец позвала, она пошла, наклонилась за подвесом и распрямлялась долго, держась за изголовье. Села на край кровати. Дочь, уже лёжа, рассказывала про чьи-то ботинки, перепутанные в мастерской, смеялась так, что сбивалась и начинала снова, и приплетала какую-то свечу и какого-то Сергея Владимировича. Кто такой Сергей Влади-

мирович и при чём свеча, Нина так и не поняла. Она сидела потому, что наконец можно было сидеть.

Нина подала брюки вперёд и разгладила складку у кармана. Надеть их она собиралась завтра: Виктор звал гулять и заодно посмотреть ему туфли. Она сказала, что так не выбирают, сначала берут костюм, а он ответил, что с костюмом никакой прогулки не выйдет. Сошлись на туфлях. Пока до них дойдут, зайдут поест, и можно будет посидеть.

Из комнаты донёсся Ленин голос. Нина выключила утюг, чтобы расслышать. Дочь говорила по телефону, просила оставить ей доступ хотя бы до понедельника: там её пометки, их тоже надо перенести. Ответа слышно не было. Лена повторила короче и замолчала, и по тому, как она замолчала, Нина поняла, что ей уже всё сказали и сказали нехорошо.

В прихожей что-то задело косяк. Нина поднялась, но дочь уже выехала на кухню, поправляя сумку, которую со вчерашнего так и не сняла со спинки. Уложила ремень внутрь, застегнула. Телефон лежал у неё на коленях.

— Мам, давай в следующую пятницу.

— Что в пятницу?

— Попробуем. Ты к Виктору, я здесь.

Она говорила, глядя на брюки. Нина сняла их с доски и повесила на дверцу шкафа. Поперёк штанины осталась полоса там, где она придерживала ткань сидя.

— А кто к тебе придёт?

— Найду. Ещё неделя.

— Ты с кем-нибудь говорила?

Лена сказала, что пока написала. Несколько объявлений показались подходящими; одна женщина уже спросила адрес, другая ответит вечером. Нина подвинула стул, освобождая дочери место у стола.

Виктору она вчера сказала, что с комнатой ничего не вышло. Он спросил, что дальше. Она ответила, что поговорит с Леной. Теперь дочь сама называла дату, и надо было либо соглашаться, либо снова откладывать разговор, которого Нина и хотела. До следующей пятницы семь дней. Она представила, как возьмёт эти брюки, которые сейчас придётся перегладить, и кофту потеплее на вечер. У Виктора ей каждый раз приходилось собирать вещи по комнате, пока он одевался, чтобы отвезти её домой, — заколку у зеркала, расчёску на тумбочке. Теперь можно будет всё оставить на месте.

Лена переслала ей первое объявление. Помощь по дому и сопровождение на прогулках, ниже отзывы. Нина прочла один и посмотрела на фотографию. Женщина стояла у стены в верхней одежде, с пакетом в руке; снимок вырезали из большого, и сбоку осталась чужая кисть с телефоном.

— С подъёмником она умеет?

Лена пролистала вниз, вернулась наверх. В тексте этого не было, и она написала отдельный вопрос.

— И утром сможет?

— Я про утро тоже спрашиваю.

Рядом с ценой стояло маленькое «от». Восемьсот рублей в

час. Нина поднесла телефон к глазам, чтобы разобрать мелкое: за выезд цена зависела от адреса и времени, подробно-сти уточнять. Она спросила, будут ли считать час целиком, если закончат раньше. Лена сказала, что дорога-то останется та же.

Нина знала. Ей самой было бы обидно ехать через весь район ради половины оплаты. Но утро и вечер выходили двумя отдельными разами, а в субботу, с душем, понадобится дольше. Она прикинула несколько дней и попросила карандаш.

Лена положила перед ней раскрытый блокнот. Там всё уже было посчитано. Утренние часы стояли отдельным столбцом, возле нескольких вечеров было написано «папа» и поставлены вопросительные знаки.

— Что он обещал?

— Сказал, напишет, когда узнает.

Нина посмотрела на вопросительные знаки. Вчера Олег проводил их до машины, а наверху осталась кровать, на которую он столько потратил, и коробки, которые она сама велела не разбирать. Теперь ей пришлось бы просить его ещё и ездить сюда.

Во втором столбце Лена посчитала все выходы платными, без отцовских вечеров. Нина нашла итог и спросила, сколько после этого останется на продукты. Дочь перевернула страницу: здесь были одни выходные, с них она собиралась начать. На несколько дней деньги есть.

— А дальше?

— Дальше посмотрим.

Нина переложила карандаш в другую руку. Ей хотелось услышать, что Лена уже всё узнала, хотя минуту назад она сама находила вопросы, на которые пока никто не мог ответить. У Олега многое было готово. Здесь за каждый раз придётся платить, когда чужой человек придёт сделать то, что Нина делала между завтраком и посудой.

Она повела карандашом по столбцу, складывая. Все эти утра и вечера по восемьсот рублей появились потому, что в субботу и ещё раз во вторник она сказала Виктору, что хочет жить с ним вдвоём. Нина досчитала до конца и подчеркнула итог.

Лена заметила, что она пересчитывает, и улыбнулась одним краем рта. Мать всегда считала на бумаге, даже когда дочь показывала итог в телефоне: калькулятор ничего не забывал, но на бумаге было видно, что именно складывали.

Пришло сообщение, Лена быстро ответила. На верхнем краю листа Нина увидела зачёркнутую сумму, под ней меньшую.

— Это тебе за месяц?

Лена прикрыла верх страницы ладонью и показала другую строку.

— Это за работу, которую я не сдала. Здесь уже без неё.

Нина хотела сказать про вчерашнюю игру и не сказала. Днём по голосу из комнаты было слышно, что Лене это уже

сказали, и хуже, чем сказала бы мать.

В её собственном телефоне у объявления оказалась кнопка вызова. Нина нажала раньше, чем решила, что говорить. Женщина ответила после нескольких гудков. Нина назвала район и объяснила, что ищет помощь дочери. На вопрос о возрасте посмотрела на Лену.

— Тридцать один. Утром и вечером. Дома подъёмник.

Женщина спросила улицу. Нина назвала. На том конце помолчали: утром она занята, может только после трёх. Нина попробовала выходные, но в выходные утро тоже было занято. Поблагодарила и положила трубку.

Лена смотрела в свой экран. Там было сообщение от той же женщины: с мамой уже созвонились, по времени не подходит.

— Откуда она знает, что мы вместе?

Лена показала первое сообщение. Она написала ещё до того, как выехала на кухню, и указала адрес.

— Я же сказала, что написала.

Нина положила телефон на стол. Хотелось объяснить, что звонком быстрее, но дочь уже закрыла это объявление, открыла следующее, задержалась на фотографии и опустила телефон на колени.

Утюг Нина унесла на место, доску оставила у стены: брюки всё равно придётся поправлять. На плите стояла молодая картошка с укропом, оставалось нарезать помидоры. Прежде чем ставить тарелки, она спросила, будет ли Лена ужинать

здесь. Та отодвинула блокнот.

Ели молча. Лена достала из нижнего шкафчика маленькую банку соли, до которой ей было удобно дотянуться, и поставила перед матерью. Нина уже начинала подниматься. Она села обратно, посолила помидор и спросила, надолго ли Лена её отправляет.

— До воскресенья.

— Думаешь, человек ради двух дней согласится?

— Я хочу дальше с ней работать. Ты же всё равно уедешь.

Нина посмотрела на дочь. Та ела медленно, подбирая вилкой картошку с края тарелки. В пятницу утром нужно будет помочь самой, а вечером придёт чужая женщина. Зато в субботу можно будет проснуться и не вставать сразу. Виктор по выходным иногда лежал с книжкой и читал вслух смешное место, не объяснив сначала, кто с кем разговаривает; она просила начать раньше, и он листал назад.

— Сначала познакомимся. Покажем всё. Я должна увидеть, как она делает.

Лена согласилась. Для этого она и ищет заранее, чтобы пригласить до пятницы на оплаченный выход и попробовать вместе. Она сама тоже хочет посмотреть.

Нина взяла хлеб и не стала есть. Время подойдёт, а женщина задержится, потому что и у неё кто-нибудь попросит постоять лишнюю минуту, пока она собирается, и минута станет десятью, а до автобуса ещё идти, и в выходной он ходит как хочет, и всё это время Лена будет лежать и слушать

дверь, как дома слушала, когда мать вставала и шла в ванную, только дома можно было позвать и попросить воды, а тут позвать некого, и никто ничего не принесёт, пока этот автобус не придёт.

— А если не придёт?

— Будет кому позвонить. Спросим насчёт подмены.

— Кому?

— Мам, пока не знаю. Это с человеком надо договариваться.

Лена отодвинула тарелку. Нина видела, что она старается отвечать спокойно, и сама стала говорить тише. Слишком многое дочь собиралась узнавать позже. Ради этого Нина и попросила Олега освободить комнату: там можно позвать из соседней, и Галина услышит. Нина не сомневалась, что услышит, хотя Лена уже спрашивала, как та будет приходить в обед.

— Ты будешь на связи. Папа тоже. А если срочно — вызову.

Лена говорила и касалась карандашом свободного края страницы, и Нина смотрела на короткие чёрные точки, которые оставались на бумаге.

— Телефон ночью где у тебя?

— На кровати. Ты знаешь.

Нина знала. Вчера, когда Лена уже легла, он лежал у её плеча, и его всё время приходилось отодвигать, чтобы не оказался под подушкой. Дочь сердилась, если его перекла-

дывали на тумбочку: оттуда надо тянуться.

— Заряжай, пока не легла.

— Я заряжаю.

Обе посмотрели на телефон, лежавший у блокнота. Нина взяла свою тарелку и отнесла в раковину.

Пока она споласкивала вилки, дочь ждала. Надо было ответить, иначе разговор так и кончится списком возражений, которые Лена завтра начнёт разбирать заново. Нина вытерла руки и расправила полотенце по краю стола.

— Хорошо. Найдём человека, познакомимся. Посмотрим, как пойдёт, а при серьёзной неприятности вернёмся к разумному решению.

Лена положила карандаш. Нина ждала, глядя на её руку.

— Ты меня слышала?

— Слышала.

— Я всё равно приеду, если что.

Лена взяла карандаш и спросила, когда на следующей неделе мать свободна, чтобы пригласить помощницу. Нина сказала, что вечером в любой день. Дочь записала, отъехала от стола и попросила блокнот. Нина подала его раскрытым, поддерживая снизу, пока Лена устраивала его на коленях.

Недопитый чай дочь забрала с собой — собиралась ещё поработать. В коридоре она остановилась поправить сумку на спинке; Нине снова захотелось подойти, и она осталась у раковины.

До вечерней помощи было время. Она позвонила Виктору

и спросила, какие у него планы на следующую пятницу. Он удивился: думал, речь про завтра. Нина сказала, что завтра всё в силе, а в пятницу она хотела бы приехать с вещами, до воскресенья.

Виктор замолчал.

Нина знала, про что он молчит. Он мог сейчас сказать, что ничего этого не понадобилось бы, и она заговорила раньше, чем он успел: Лена ищет помощницу, уже договаривается, сначала они познакомятся, всё покажут, попробуют вместе, а несколько выходов уж как-нибудь устроят.

— Перезвони, когда будет ясно, — отозвался он.

— Я приеду.

Он помолчал ещё и спросил, что приготовить к её приезду. Нина попросила ничего не готовить заранее, лучше вместе сходить в магазин. Он засмеялся и напомнил про рыбу. Она тоже улыбнулась.

Положив трубку, Нина вернулась к доске. Брюки висели на дверце с заломом посередине, и пришлось снова включить утюг. На этот раз она гладила стоя, недолго, только испорченное место. Брюки она тут же надела на вешалку и понесла к шкафу.

Дверь в комнату дочери была открыта. Лена сидела перед экраном и одним пальцем придерживала наушник. Нина замедлила шаг, чтобы не мешать, но дочь услышала и обернулась.

— Мам, в среду в семь тебе удобно?

Нина ответила одними губами.

— Да, Тамара, — сказала Лена в телефон. — В семь. Обе будем дома.

Глава седьмая. Катя

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.